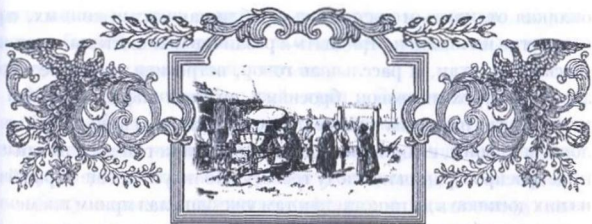

Op. 84
D-15

Владимир Иванович Даль

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ПИСАТЕЛЯ

ПОЛУНОЩНИК

(уральское предание)

Лет тому — да много, еще когда дедушка внучком был, никак вскоре после пугачевщины, опять выдался такой год, что стало по низовым станицам уральским больно беспокойно. Казаки ни днем, ни ночью не выходили со двора без винтовки за плечами; стада и табуны частью отогнаны были на Камыш-Самару, а частью держались поблизости станиц и пикетов, известных под именем половинок, маяков и реданок; пастухи, вооруженные и в обыкновенное время копьём и винтовкой, были удвоены и едва смели прилечь; один из них, конный, всегда стоял на ближайшем возвышении и высматривал округность.

Между тем, в темную осеннюю ночь, небольшая шайка киргизов «учинила пролаз», то есть успела незаметно пробраться через Урал, по одному и по два, и залечь в береговые камыши. Когда их собралось довольно, то они выехали осторожно на степной кряж, оставив пикеты и маяки за собою, на берегу реки, и пустились к станице. В другое время, может быть, набег их и был бы удачнее, но как теперь всюду были приняты необыкновенные предосторожности, то шайка и наткнулась, при самом въезде в селение, на выставленный за скотным двором секрет, то есть ночной отводный караул. Три казака, из коих один приказный, услышали издали фырканье лошадей и топот их; все трое, перемолвившись шепотом, прилегли наземь, чтобы не

окликающая отличить и распознать приближающихся конных, а подпустив их шагов на тридцать и различив положительно киргизские малахан, и расслышав говор, встретили неприятелей залпом из трех винтовок, бросились с гиком вперед, ухватив пики и разогнав этим мгновенно толпу, кинулись впопыхах к лошадям своим, сели и поскакали, один в пикет, и двое по станции, распространяя повсюду тревогу. Но не успел еще первый из них доскакать до пикета, как там уже запылал ярким пламенем маяк, обвитый камышом и соломой шест: сигнал этот приняли по всей линии, вверх и вниз, и вскоре целая полоса по Уралу осветилась заревом маяков. В то же время казаки со всех постов спешили по призыву туда, где первый маяк загорелся. Через час времени, после трех выстрелов секрета, тревога обняла уже верст по сто в обе стороны линии, по направлению к Гурьеву и к Уральску; все было на ногах, отовсюду спешили на помощь.

Осторожные вору, киргизы, не желая бороться с открытой силой, тотчас же отступили, зажгли встреченный на пути стог сена, прикололи ни за что ни про что мужика, бабу и двух ребят, семейство сызранского сапожника, отправившегося по ремеслу своему из одной станции в другую, и перебрались впадь через Урал. Значительный отряд казаков не успел еще собраться; но человек пять смелых наездников, зная хорошо тактику неприятелей своих и потому предвидя их действия, перебрались заблаговременно через реку и, ложась, прислушивались, чтобы подстеречь их переправу. Шум воды под ногами конскими действительно обнаружил невдалеке шайку, на так называемом броду, хотя отчасти надо было и тут переплыть русло; а разгоревшийся стог сена, хотя и был от этого места верстах в двух, осветил несколько поверхность реки, и шайка встречена была ружейными выстрелами. Но сила преодолела, и казаки наши отступили, захватив, однако же, одного раненого киргиза; кроме того, первыми тремя выстрелами, близ станции, был убит один киргиз, а другой также ранен и захвачен; таким образом, казаки добыли языка, что было для них очень важно, потому что теперь знали, какая именно была шайка эта, какого

рода и племени и из каких аулов, а когда это известно, то уже всегда было более надежды отыскать виновных или заставить однородцев их за них полатиться.

К утру собрался небольшой отряд в Сарайчик. В то время вообще не было строгой формы для казаков, а штаты, как называлась форменная перевязь с подсумком, надевались только во время внешних командировок. В то время уральцы ходили, по обыку, в алых и малиновых кафтанах, с откидными рукавами по синему поддевку, и в высокой малиновой шапке с перехватом; сабля была принадлежностью войсковых чиновников, а рядовые довольствовались копьем, винтовкой с ражками и пистоллями. В степных же походах, которые нередко делались, как в настоящем случае, спешно и по домашнему распоряжению, по поводу набата — каждый садился на коня в домашней одежде своей: в простом синем кафтане, в хивинском полосатом халате, в чапане, в стеганке, поддевке или куртке, но всегда с добрым оружием, и в черной, высокой смущатой шапке.

Отряд этот выступал уже с зарей: седла и необходимую поклажу погрузили на бударки, легкие лодочки; туда же сели и казаки, человека по три и по четыре, взяв лошадей за чембуры; через час кони были уже оседланы на противном берегу, и отряд подымался на кряж, потянулся змейкой по степи и долго ее виднелся издали черной полосой по желтоватому ковылью.

— Погоди ж вы, разбойники! — сказал один казак, попадая носком сапога в мочку пики своей, — разве не даст бог сойтись с вами, а то будете вы помнить Сарайчик!

— И чего их, собак, жалеют, прости господи! — сказал другой, — вот ведь, которому дашь аман, он-то самый и наделает тебе больше всех хлопот; я говорю, что волк, так волк и есть, попался в руки, так бей его досуха, а прикормишь да отпустишь — так сам на свою голову кистень выковал. Я знаю, что это опять Китайка проказит; уж от него нам добра не видать. А кабы прошлую осень подняли его на копья, как был в руках; так бы с ним и не хлопотать. Так ли, Сидорыч, — продолжал он, обратившись к подъехавшему чернобородому, смуглому казаку, оче-

видно, персидского происхождения, почему он и прозывался Кизылбашевым, — так ли?

— Так, — отвечал тот, не подымая глаз и проворчав что-то про себя, а затем прибавил вслух, — поднять-то на копыа мало б кого надо; есть люди и тошней киргиза. — И отъехал в сторону.

— Вишь, хорасанская кровь! — сказал один из первых, — гляди, ведь он все еще зубы точит на старого супротивника своего, на Пахолкина: аль опять они не поладили?

Объясним эту выходку. Кизылбашева отец был пленный персиянин, выходец из Хивы. Приписавшись к войску, крестившись и женившись там, он известен был в войске назойливым, скрытным нравом своим и передал по наследству это свойство персидской крови старшему сыну. Семейство их жило довольно бедно, потому что рыболовство им как-то не давалось, а торговлей промышлять без *истинника* очень трудно. По этому поводу сын смолоду вынужден был идти на службу, на которую и тогда, как теперь, вызывались одни охотники, с уплатою им довольно значительных подможных денег; эти обстоятельства и отношения заставили Кизылбашева-сына оставаться холостым почти до тридцати лет; в эти годы только сделался он владельцем отцовского хозяйства и приобрел столько своего, что мог купить невесте сороку, род богатой *кички*, что в то время считалось совершенною необходимостью и без чего ни один казак не мог подумать о сватовстве. О приданом же и тогда, как теперь, у уральских казаков никогда не бывало речи: тесть наделял дочь свою или зятя, по своему усмотрению, и то несколько лет спустя после женитьбы, когда убеждался, что молодые хорошо и согласно живут.

Задумав жениться, Кизылбашев стал заглядываться на Орину Мироновну, дочь урядника Красоточкина, и хоть ему, в его годы и с его чернобородой рожей, не совсем к лицу было любезничать, но он, по принятому обычаю, выходил к базкам, то есть к скотным дворам, встречать и провожать вместе с Ориной Мироновной стадо, а также хаживал зимой вслед за девками, на синчик, то есть, на молодой лед, скользить, играть и бегать.

Если б Кизылбашев был вовсе не по нутру Красоточкину, то он бы сам проводил дочь к базкам или на синчик, и сказал бы там тому, кто ухаживает за его дочерью: «не прогневайся, брат; но не наша девка, чужая»; но как ничего подобного не случилось, а Орина Мироновна, хотя и называла поклонника своего в глаза заморской пуцелкой — то есть чучелкой, потому что Орина Мироновна, как и все землячки ее, пришепetyвала — хотя и не раз угроживала, что наденет ему подоийник с молоком на голову, но либо пожалела молоцка, либо пожалела молодца, потому что угрозы не исполнила и, как Кизылбашеву казалось, бранила его и отбивалась от него только для забавы и приличия.

В таком положении было дело это, когда вдруг, недуманно, негаданно, добрые люди из соседней станицы прибыли в дом Красоточкина и привезли поклон и ласковое слово от старика Пахолкина, который сватал Орину за сына, за молодого сотника. Это было, конечно, другое дело и не Кизылбашеву чета: сотник Пахолкин был молодец молодцом, а у отца его было хуторок на Камыш-Самаре, другой на узнях, где ходило косяком до десятка добрых коней, да, кроме того, старик ежегодно выменивал у киргизов тысячи по две и по три баранов, отгоняя их на убой в салотопни. При таких отношениях, не только Кизылбашева и в помине не было в этом деле, но об нем и думать позабыли; Красоточкин дал слово, и через несколько дней жених навестил невесту, а вскоре опять приехал и привез ей в подарок такую сороку, которая выставлена была целые две недели на показ, и казачки съезжались даже с Баксая и из Кармановской станицы посмотреть на этот подарок.

Кизылбашева, который, как мы уже сказали, довольно долго крепился и собирался, покуда обстоятельства не позволили ему подумать о сватовстве, неудача эта крепко смущала. На беду не стало дело за такими людьми, которые начали подтрунивать над бедняком; в особенности же девушки, будто сговорились, стали спрашивать его, при встрече, отчего его теперь нигде не видно? Злобное сердце его вскипело мстостью, и он не раз искал случая, чтобы отомстить Пахолкиным или Красоточкиным —

все равно — за неудачу свою, тогда как ни те, ни другие и не думали о нем и мирно и весело сыграли свою свадьбу.

Со времени этого происшествия прошло уже с полгода, но Кизылбашев не считал еще, как видно, дела своего конченным и, как можно было догадываться по ответу его, который мы слышали, замыслил что-нибудь недоброе. Повод же к этому был вот какой: в собранном наскоро отряде находился не только счастливый соперник Кизылбашева, Пахолкин, но и два брата его и дядя, и сверх того сам старик Красоточкин с сыном и племянником; словом, так как казаки соседних станиц вообще все почти между собою в родстве и свойстве, то в набранном из Сарайчика и ближайших станиц отряде было много казаков, рядовых и чиновных, состоявших в более или менее близком родстве с Пахолкиными и Красоточкиными. Кизылбашев, состоявший на линейной службе, где изредка только встречался с кем-нибудь из этих людей, теперь внезапно сошелся со всеми с ними лицом к лицу. Встреча стольких ненавистных лиц возмутила его и пробудила давнишнюю злобу.

Отряд сделал до вечера, с привалом, очень большой переход, но, не достигнув хищников, остановился с тем, чтоб на завтра продолжать поиск свой и напасть на аулы, к которым грабители принадлежали. Зная опасность своего положения, казаки приняли все обычные предосторожности и не только выставили цепь вокруг всего стана, но и еще особенную вокруг всего табуна, потому что лошадей надобно было пускать ночью на подножный корм.

Когда стали вызывать по наряду караульных в ночную цепь, на вторую или третью смену, то в числе чередных одного не досчитывались: оказалось, что Кизылбашева нет. Пустили голос и прокричали по всему отряду, искали везде, полагая, не заснул ли он где — но нигде его не оказалось, и никакого следа его не нашли. Никто не знал, что подумать. «Сошел с ума наш Кизылбашев, — говорили казаки, — диво куда он запропастился: а был тут с вечера — разве не подхватили ль его как-нибудь втихомолку карсаки (т.е. киргизы?)».

А Кизылбашев между тем, разузнав о близости аулов, решился на небывалое дело: он бежал из отряда с тем, чтобы подвести неприятеля, напасть врасплох и уничтожить, как он надеялся в слепой злобе своей, весь отряд. Несчастливая мысль эта поселилась в нем уже в то самое время, как только весь отряд был в сборе и Кизылбашев увидел, что тут находилась большая часть мнимых неприятелей его, по крайней мере ненавистных ему людей. И в надежде погубить их, он не пощадил никого и не подумал даже о себе самом...

Еще было темно, и восток не обозначился заревом; весь отряд покоился, одни только часовые на цепи перекликались, как три отчаянные молодые киргиза, будучи подведены к отряду отступником и изменником, легли на землю в таком расстоянии от отряда, как только могли расслышать фырканье и чиханье казачьих лошадей, и поползли по траве. Один служил вожаком, другие два ползли за ним и вовсе не подымали головы, полагаясь во всем на передового, который останавливался на каждых десяти-пятнадцати шагах и осторожно озирался кругом, едва только отделяя голову от земли. Они ползли с такою осторожностью, что шороху было не более, как от змеи. У каждого из них висел на поясе добрый нож: одежда на них была самая легкая — одни лохмотья; оружия, кроме ножа, никакого. Таким образом подползли они вплоть к цепи, и увидеть их, по темноте ночи, было невозможно. Выждав удобную минуту, когда оба смежные часовые оборотились в противную сторону, воры проползли внутрь цепи и вскоре очутились посреди пасущихся, стреноженных лошадей. Тут каждый из них окликал потихоньку и огладил по лошади, поспешно перерезал ножом треногу и сделал то же у нескольких соседних лошадей; тогда все трое вдруг вскочили на коней, со страшным, внезапным гиком пустились скакать во весь дух, без узды, куда лошади угодно, продолжая дикий, неистовый рев свой, погоняя лошадь под собой тычками ножа и поражая им на скаку лошадей вправо и влево. Весь табун шарахнулся, ни одна тренога не удержалась, и ошалевшие кони понеслись вслед за проскакавшими всадниками, опрокинув перед собою караульную цепь.

Казаки в ту же минуту вскочили, ухватившись за оружие; и была пора, потому что шайка в несколько сот человек, с таким же неистовым, диким ревом, кинулась теперь на отряд. Как ни жесток бывает подобный приступ, но при устойчиве и встрече ружейным огнем, нестройная толпа эта всегда поспешно отступает, возобновляя нападения свои постепенно с меньшею отвагою и меньшею удачею, потому что казаки выигрывают время, могут собраться в порядки и успевают зарядить ружья. Так было и тут: киргизы, после нескольких отчаянных попыток, отступили; вопли их слышались в отдалении; отряд даже пустился было преследовать их, но пеший конному не товарищ, и сотник Пахолкин остановил бесполезное рвение казаков. В целом отряде не осталось более пяти лошадей; лучшие казаки вскочили на них и понеслись во весь дух за отогнанным табуном.

Заря уже начинала заниматься, когда погоня взяла на вид хищников, гнавших лошадей с возможною поспешностью. Одна только из пяти лошадей была довольно бойка и надежна, на остальных нельзя было положиться. Урядник Красоточкин, лихой старик, тесть Пахолкина, сидел на этой лошади и решился попытать счастья, не дожидаясь отставших четырех товарищей своих. Он пустился во весь дух, обскакал табун, не обращая никакого внимания на тревогу, поднятую киргизами, повернул круто в бок лошадям, сколол одного из воров, кинувшихся ему навстречу, и с таким же диким ревом проскакал поперек всего табуна, увлекая шарахнувшихся снова коней за собою. Дав значительный круг и скача впереди, Красоточкин воротил благополучно часть табуна и привел его в стан, между тем как отставшие четыре казака подоспели и защитили отбитую добычу свою от новых нападений.

Как только лошади прибыли в стан, то мгновенно были оседланы, и Пахолкин пустился с лучшими казаками в погоню за шайкой. Настигнув ее, он частью разбил, частью рассеял ее и успел захватить в плен до пяти человек, в чем, кроме показания хищников, и состояла цель поиска его; эти пять человек должны были выручить весь отряд из беды.

Убитых не воротить, и потому киргизы об них мало заботятся, кроме того, что стараются увезти трупы с собою для погребения; но о пленных они чрезвычайно хлопочут и для выкупа их готовы сделать все, что могут, ничего не жалея. Когда ободняло, весь отряд собрался опять на становище; пересчитали людей и лошадей и увидели, что, кроме Кизылбашева, все казаки были налицо, в том числе двое или трое раненных пикой или чеканом; но недоставало еще до семидесяти лошадей. Рассмотрев и разобрав пленников своих, Пахолкин выбрал из них одного простого киргиза, сверх того еще и раненого, дал ему одну из плохих лошадей и, настрашав порядком, приказал ехать к султану Юсуфу Галикееву, начальнику шайки, и объявить, что если до полудня не будут доставлены все лошади и беглец Кизылбашев, то киргизы найдут на этом месте четырех пленников, забитых до смерти нагайками; отряд же выступит с тем числом конных, сколько есть, для разграбления аулов Галикеева и будет резать все, что ни попадется ему под руку.

Часа через три гонец от султана Галикеева прискакал, соглашаясь на предложения о размене пленных, но просил прибавить несколько часов срока, потому что лошади были загнаны далеко и послано за ними вдогонку. Размен состоялся на половину: коней пригнали, за раненых и неотысканных казачьих лошадей киргизы додали своих; но Кизылбашева, которого, конечно, не пожалели бы, при таких обстоятельствах, выдать не могли, несмотря ни на какие настояния Пахолкина, уверяя, что он скрылся. Поэтому сотник счел себя вправе не выдавать и пленных, утверждая, что договор со стороны киргизов не исполнен; тогда эти вздумали требовать выдачи обратно лошадей; завязался спор, а наконец и драка, которая кончилась весьма невыгодно для киргизов; казаки жестоко наказали их, напав еще вторично на приблизившуюся шайку, и гнали ее, побивая, до самой ночи. Таким образом, отряд Пахолкина воротился благополучно в Сарайчик, с песнями и победными кликами, не потеряв ни одного человека, а сделав свое дело: наказав хищников и отогнав довольно скота. Весть об измене Ки-

зылбашева, о котором не было ни слуху, ни духу, разошлась вскоре по всему войску, и едва ли на чью-нибудь голову было когда-либо произнесено столько проклятий, сколько досталось от мала и велика на долю позорной памяти этого несчастного полуперсиянина. Прошло несколько лет, и о Кизылбашеве не было речи; все сведения из степи подтвердили первоначальное известие, что он пропал без вести.

Однажды, в темную и бурную осеннюю ночь, повторилось почти то же, что было описано нами в начале этого рассказа: шайка киргизов прорвалась или прокралась внутрь линии неподалеку Кожехарово; пущенные по линии маяки подняли на ноги все население, и собранный отряд пошел вслед за грабителями. Он к вечеру остановился, прислонившись тылом к озеру, где было хорошее пастбище, выставил впереди цепь и послал разъезд до известного урочища, где был крутой, обширный яр, чтобы удостовериться, нет ли там засады.

Разъезд подъехал к урочищу уж в сумерки и пустился на несколько верст, для осмотра, вдоль яра. Все было мертво и пусто, нигде и следов аула или стоявшей шайки не найдено. Вдруг (я говорю по словам разъездных казаков) конный казак выезжает вплоть перед ними из оврага: кивнув головой, он берется за шапку, будто здоровается, и робко объезжает вокруг разъезда. Явление это до того поразило казаков, что они стояли несколько минут, как вкопанные, и даже не окликали встречного и не подали голоса... Наконец, урядник, узнав в казаке этом Кизылбашева, назвал его по имени и звал к себе, убеждая покаяться в грехах своих и добровольно явиться к начальству... Кизылбашев не отвечал сперва ничего, но покружив, стал расспрашивать, что делается в войске: кто теперь атаман, дома ли такие-то казаки, и проч. Урядник повторил ему настояние свое, чтоб он ехал с ними, а когда тот, кивнув опять слегка головой, передвинул шапку, в виде поклона, и поворотил лошадь к оврагу, то урядник кинулся за ним и протянул уже руку, чтобы схватить, как вдруг его не стало. Урядник и разъездные казаки перекрестились, прочитали «аминь, аминь, рассыпья»; искали еще

несколько времени переметчика, но не найдя ничего, воротились.

То же почти случилось на следующую весну, когда небольшой казачий отряд послан был на помощь султану-правителю по поводу баранты и угонов. И тут опять, ночью, нечаянно подъехал к отряду казак, будто из земли вырос; робко приближался, но все держался поодаль; и опять расспрашивал, что делается в войске. Все, кто знавал Кизылбашева, узнали его; казаки бросились и — окружили было его, но он пропал опять на месте, будто провалился сквозь землю.

С этого времени уральским отрядам частенько случается видеть в степи полуночника; и полуночник этот не иной кто, как Кизылбашев. Много прошло лет, много десятков лет прошло с той несчастной ночи, когда безрассудная, злобная месть воспламенила персидскую кровь этого несчастного и как он, посягнув на одно из самых страшных преступлений, продал свою душу — и все еще привидение его шатается по обширной степи, ищет и не находит покоя и, встретив русский отряд, подъезжает к нему и расспрашивает о том, что делается на Руси и в родном уральском войске... Теперь уже привыкли к нему и знают его; казаки не пугаются более этого загадочного явления: как только увидят они издали, ночью, чужого казака на белой лошади, в чапане и шапке старинного обыка, с густой и черной круглой бородой, со смугло-желтым, болезненным цветом лица, с мутными, непостоянными глазами, так и творят молитву и говорят друг другу: «Гляди, полуночник!»

